

Глава 28. Откровения Баобао

Меня зовут Баобао. Да-да, вы угадали — я тот самый, который живёт у Шинджи.

Вообще-то, раньше меня звали по-другому, но прежнее имя давно вылетело у меня из головы. Теперь, раз уж Шинджи так меня кличет, приходится отзываться. Не сказать, что я в восторге от этого имени, но ради него готов стерпеть.

Когда Шинджи принёс меня домой, я был совсем крошечным. Помню, шерстка у меня тогда была молочно-белой, и только на самой макушке торчал нежно-жёлтый хохолок. Но уже на следующий день он утащил меня в парикмахерскую для животных и перекрасил в винно-красный цвет. Слава богу, хохолок на лбу ему очень понравился — хоть его он пощадил.

Шинджи тогда и сам был карапузом, но уже страдал жуткой болтливостью. Он постоянно вещал мне обо всём на свете, бубня под нос какую-то заумь. Я, ясное дело, ничего не понимал, так что просто засыпал под это жужжание. Но у него была ещё одна дурная привычка: он без конца тыкал своим пухлым, бледным пальцем в мой хохолок. Несносный мальчишка! Но ради него я готов был закрыть на это глаза.

Вскоре после этого мы переехали. Новый дом стоял у самого моря. И пускай я каждый день наблюдал за рыбами, резвящимися в волнах, поймать мне не удалось ни единой штуки. Обидно, конечно. Но, как оказалось, это было лишь началом моих бед.

После переезда Шинджи словно охладел ко мне. Представляете, он отдал меня какому-то пронырливому, подозрительно ухмыляющемуся старикашке! Он больше не болтал со мной часами и не тыкал пальцем в лоб. Вообще-то я терпеть не мог эти его замашки, но когда они прекратились, на душе стало пусто. К тому же теперь он возвращался настолько измотанным, что едва успевал выползти из душа, как сразу падал в постель и засыпал без задних ног. На меня — ноль внимания. И я решил выяснить, в чём дело.

В то утро я с превеликим трудом вырвался из лап этого навязчивого деда и тенью скользнул за Шинджи. Сначала он наворачивал круги по пляжу, потом долго кривлялся, выделявая какие-то странные упражнения, а под конец, мокрый от пота, побежал домой. Я точно знал, что он пошёл смывать грязь и переодеваться — в это время он всегда занимался только этим.

Едва я, запыхавшись, притащился к нашему порогу, как Шинджи снова выскочил на улицу, таща на плече какую-то странную продолговатую сумку. Пришлось тащиться следом. Перелезая через заборы и продираясь сквозь густые заросли, я наконец выследил его у дверей массивного здания.

Шинджи зашёл внутрь, и я шмыгнул следом. Там-то мне и явился мой самый заклятый враг.

Маленькая, круглая, ядовито-жёлтая тварь. Она и в подмётки не годилась мне по очарованию, но нагло отняла у меня Шинджи! С того самого мига я поклялся ненавидеть эту штуковину,

которую люди уважительно называют «теннисным мячом».

Глядя, как Шинджи носится с этим круглым недоразумением, я — пусть по его бесстрастной мимике ничего нельзя было понять — звериным чутьём улавливал, с какой бешеной страстью он отдаётся этой игре. Из-за этого моя злость только росла. Стоило мне увидеть мяч, как я тут же бросался на него и рвал в клочья. Но Шинджи истолковал мой гнев по-своему: решил, что я без ума от тенниса, и завалил дом этими жёлтыми уродцами. Такого поворота я точно не ожидал.

Но вскоре мне стало не до дурацких мячей. Я... растолстел. На казённых харчах у того пронырливого деда я раздулся, словно воздушный шарик. Докатился до того, что Шинджи напрочь отказался брать меня на руки — я стал жирнее этого несносного Гарфилда из телевизора! Пришлось срочно садиться на диету. Продолжать в том же духе было нельзя, иначе он со временем просто избавился бы от меня.

Правда, ни один способ не работал. Я голодал, устраивал забеги — всё впустую, бока округлялись с каждым днём. И пока я оплакивал свою фигуру, стряслось нечто куда более пугающее. В один прекрасный вечер я прямо на глазах у Шинджи превратился в другое существо.

Шинджи как раз вышел из ванной и лениво промакивал полотенцем мокрые тёмно-синие волосы. Он уставился на меня в упор своими бездонными глазами. Он молчал так долго, что моё сердце едва не выпрыгнуло из груди.

Наконец он медленно спросил:

— Ты... Баобао?

— Угу! — я отчаянно закивал головой. Хотел по привычке вильнуть хвостом, но обнаружил, что его больше нет, и тоскливо уставился на Шинджи.

— Странно вообще-то я думал что ты обычный котёнок а ты рос-рос так что я уже заподозрил в тебе тигра или какую-то другую крупную дикую кошку а ты взял и превратился в человека кто же ты тогда такой неужели и правда какой-то оборотень даже любопытно становится и вообще с чего бы это вдруг Баобао превращаться в человека неразрешимая какая-то загадка...

Шинджи бубнил себе под нос и безжалостно тискал меня за щёки — точь-в-точь как раньше, когда донимал мой жёлтый хохолок.

С тех пор каждый раз, когда я принимал этот облик, Шинджи звал меня уже не Баобао, а моим Сокровищем. И хотя мне не нравились оба этих имён, ради него я был готов смириться.

И всё же обида никуда не делась: мне казалось, что Шинджи меня разлюбил. Ну зачем,

скажите на милость, ему вечно бегать по побережью вместо того, чтобы поболтать со мной? Зачем часами отрабатывать эти странные приёмы, забросив наши игры? А главное — ради чего он без конца гоняет этот глупый мяч, возвращаясь домой покрытым синяками с ног до головы? Меня это просто бесило.

А уж когда на горизонте нарисовались эти две уродины, Сакуран и Орико, Шинджи и вовсе стал ко мне равнодушен. «Ну и катись, — думал я порой в сердцах, — не больно-то ты мне и нужен!» Но стоило ему войти в комнату, как я тут же забывал все обиды и ластился к его ногам.

Разумеется, в звериной шкуре мне было куда уютнее. Стоило мне стать зверем, как Шинджи брал меня на руки, без конца гладил шёрстку, ласково теребил за подбородок, трогал лапки и позволял спать, устроившись на его коленях. В человеческом теле тоже были свои прелести — например, я мог повсюду следовать за ним на улице, но прежней тёплой близости уже не чувствовалось.

Позже мы вернулись в Токио. Однажды Шинджи ушёл по делам, велел мне возвращаться одному. По дороге я совершил величайшую глупость в своей жизни, о которой жалею по сей день — подобрал истекающего кровью человека. Не скажу, что я отличаюсь добротой, но у того парня был такой упрямый, дикий взгляд, что я поддался глупому порыву и приволок его к нам домой. Дурак же я был!

Шинджи моему самоуправству не обрадовался — кому охота возиться с покойником, если бы тот испустил дух прямо на нашем ковре? И всё же он спас бедолагу, вызвав эту ненормальную Ямамото Рёко.

Мы с ней сразу не поладили. Стоило ей прознать, что я умею принимать человеческий облик, как она начала пожирать меня маньякальным взглядом. Мне стоило немалых трудов отвести её от мысли уложить меня на операционный стол, и в итоге она заняла почётное второе место в списке моих злейших врагов — сразу после теннисного мяча. Эта ведьма даже предложила запереть меня в ванной! До чего же противная особа.

Тот парень, Кимура, оказался живучим как сорняк. С такими жуткими ранами — и выкарабкался! Но великий бог, до чего же он был несносен. Мало того что он бессовестно воровал внимание Шинджи, так ещё и косился на меня с каким-то странным подозрением. Терпеть его не мог. Я сто раз пожалел, что спас его, но прошлого не воротишь. Так он и околачивался в нашей квартире, раздражая меня своим здоровым видом, пока окончательно не встал на ноги.

В конце концов Кимура убрался восвояси, но легче не стало: откуда ни возмись поналезла целая толпа других прихлебателей, жаждущих урвать хоть каплю внимания моего хозяина. Список моих врагов рос не по дням, а по часам. Жутко бесит! Вот увидите, когда-нибудь я просто спрячу Шинджи в такое место, где его никто и никогда не отыщет.

Шинджи — только мой, и даже не смейте на него зариться. Хе-хе!

<http://bllate.org/book/18294/1768221>